

9. Народное хозяйство Крымской области: стат. сб. / Одесса: Статистика. Одес. отд-ние, 1967. – 178 с.
10. Народное хозяйство Крымской области: стат. сб. / Одесса: Статистика. Одес. отд-ние, 1972. – 199 с.
11. Численность, состав и движение населения СССР: Статистические материалы / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР, 1965. – 562, [2] с. – Режим доступа: <http://istmat.info/files/uploads/31715/naselenie-sssr-1965.pdf>.

References

1. П'nickaja O. I. Social'no-jekonomicheskie prichiny peredachi krymskoj oblasti iz sostava RSFSR v sostav USSR / П'nickaja O. I. // Gileja: nauk. visn. – 2010. – №12. – С.71–79. – Rezhym dostupu: <http://gileya.org/index.php?ng=library&cont=long&id=58>.
2. Kul'chyt's'kyy S. Vkhodzheniya Krymu do skladu Ukrainy / Stanislav Kul'chyt's'kyy // Rehional'na istoriya Ukrainy: zb. nauk. st. – Kyiv: In-t istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy, 2009. – Vyp.3. – Rezhym dostupu: http://shron.chtyvo.org.ua/Staniislav_Kulchyt'skyi/Vkhodzheniya_Krymu_do_skladu_Ukrainy.pdf.
3. Serhiychuk V. Ekonomichna skladova peredachi Krymu do URSR u 1954 r. / Serhiychuk Volodymyr // Krym vid antychnosti do s'ohodennya: Istorychni studiyi / vidp. red. V. Smolij. – Kyiv: In-t istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy, 2014. – S.513–526.
4. Serhiychuk V. Ukrainy's'kyy Krym / Volodymyr Serhiychuk. – Kyiv: Ukr. Vydavn. Spilka, 2001. – 302, [2].
5. Smolij V. Donbas i Krym v ekonomichnomu, suspil'no-politychnomu ta etnokul'turnomu prostori Ukrainy: istorychnyy dosvid, moderni vykyky, perspektyvy: (analit. dop.) / Valeriy Smolij, Stanislav Kul'chyt's'kyy, Larysa Yakubova. – K.: In-t istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy, 2016. – 616 s.
6. Natsional'na bezpeka Ukrainy: kryms'kyy vektor: zb. dok. i materialiv (1917–2014 rr.): u 5 ch. / uporyad.: L. Ryaboshapko, I. Vdovychyn, V. Hrynchak, A. Luts'kyi, I. Tomjuk; za red. L. Ryaboshapka, A. Luts'koho. – L'viv: Liha-Pres, 2014. – Ch.1. – 899, [2] s.
7. Krym v umovakh suspil'no-politychnykh transformatsiy (1940–2015): zb. dokumentiv ta materialiv / uporyad.: O. H. Bazhan (kerivnyk), O. V. Bazhan, S. M. Blashchuk, H. V. Boryak, S. I. Vlasenko, N. V. Makov's'ka. – K.: In-t istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy, 2016. – 1092 s.
8. Narodnoe hozjajstvo Krymskoj oblasti: stat. sb. – Simferopol': Krymizdat, 1957. – 272 s.
9. Narodnoe hozjajstvo Krymskoj oblasti: stat. sb. / Odessa: Statistika. Odes. otd-nie, 1967. – 178 s.
10. Narodnoe hozjajstvo Krymskoj oblasti: stat. sb. / Odessa: Statistika. Odes. otd-nie, 1972. – 199 s.
11. Chislennost', sostav i dvizhenie naselenija SSSR: Statisticheskie materialy / Centr. stat. upr. pri Sovete Ministrov SSSR, 1965. – 562, [2] s. – Rezhim dostupa: <http://istmat.info/files/uploads/31715/naselenie-sssr-1965.pdf>.

Гулыма О., a lieutenant colonel, breadwinner of department of humanity/pls of common to all arm faculty, depchief of faculty, from educational and scientific work is achief of educational part National Academy of ground forces, name of hetman Petro Sagaydachnogo (Ukraine, Lviv), gulymaop@ukr.net

To the question about the transmission of Crimea to Ukrainian Soviet Socialistic Republic

The article aims to throw more light on the question of the transfer of the Crimea to the Ukrainian SSR. To achieve this goal used methods of analysis and synthesis, historical and statistical methods. We also proved the inadequacy of the concept of the «gift» of the Crimea region of the Ukrainian Soviet Socialist Republic. It is proved that the main motive of the transfer of Crimea to the USSR was the economic motive. A comparative analysis of the socio-economic dynamics in the Crimea in the decade after its liberation from the German occupation and the decade after the transfer of the region to the USSR. In this context, the author mapped the calculated average values of production of main kinds of products of the agricultural sector in the Crimean region counting on soul of the population for 1950–1954 and 1955–1959 years, discusses some of the aggregate data on the development of industry and health systems in the region, as well as investments in its economy. It is shown that during the stay of the Crimea in structure of the USSR was further.

Keywords: Crimea, information warfare, motive, industry, Ukraine, agriculture, Ukrainization, political and military expansion.

УДК 94

Мамедов Э. В.,
сотрудник, Национальный Музей
Истории Азербайджана
(Азербайджан, Баку), emint728@gmail.com

СРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ДРЕВНЕГО САМУНИСА–МИНГЕЧЕВИРА

Можно прийти к предварительному заключению о происхождении срубных погребений, обнаруженных как в грунтовых ямах, так и в катакомбах, что наиболее ранние Мингечевирские захоронения в срубах появились в I в. н.э. и продолжали существовать до IV века н.э. Следует отметить, что наряду с данным типом захоронений синхронных по времени и целым рядом других факторов, в Мингечевире одновременно существовали кувшинные и ранее катакомбные погребения.

Ключевые слова: Самунис–Мингечевир, срубные погребения, Судагьлан, Амирарх.

(статья друкється мовою оригіналу)

Впервые обряд срубных погребений на Южном Кавказе был обнаружен на левом берегу реки Куры, на территории древнего города Самуниса–Мингечевира. Здесь на могильном поле поселения №3 наряду с другими типами погребений были выявлены погребения в деревянных срубах. В этой местности под названием Судагьлан с 1949–1950 гг. было изучено 22 могил с захоронениями в деревянных срубах [4, с. 96]. Некоторые из них содержали очень богатый археологический инвентарь.

На основании исследования архивных отчетов и полевых книг мы можем сделать предварительный вывод о том, что, к сожалению, далеко не все могилы здесь были достаточно хорошо исследованы. В основном это связано с тем, что здесь параллельно шли строительные работы по возведению Мингечевирской гидроэлектростанции (ГЭС), а также с тем фактом, что плановый график этих работ нередко негативно сказывался на объеме и качестве проводимых раскопок.

Для срубного типа погребения обычно рыли четырехугольную яму общим размером 2,5х3 м при глубине в среднем 1,5 м [14, с. 89]. На продольных стенках через 0,30–0,40 см оставляли ступеньки шириной около 0,20–0,30 см.

Погребальные срубы – это своеобразные гробы в среднем составляли 1,5 м в длину и 0,70–0,80 см в высоту. Изготавливались они в основном из бревен местного дерева арчана–можжевельника [9, с. 36]. Концы обработанных бревен соединяли подобно современному срубному зданию, что и определило название этих типов памятников.

В Мингечевирских срубных погребениях больше всего были обнаружены парные захоронения. При этом очень редко встречаются одиночные захоронения [1, с. 137–145].

Примером парного захоронения лицом к лицу может служить срубное погребение №1, раскопанное в 1949 г. на могильном поле поселения №3. Сруб этого погребения был небольшого размера 1 м в длину, 0,80 см в ширину и 0,60 см в высоту в нем оказалось два скелета в скорченном положении, лицом к лицу, ориентированные головой па юго–запад, здесь были погребены мужчина и женщина.

Женский костяк лежал на правом, а мужской на левом боку, перед женским скелетом находилась сере-

броняна миска, в которой лежали стеклянный бокал, гребешок из рога животного, железный нож, остатки ткани и золотые тонкие пластинки. Возле миски лежал железный кинжал.

На руках женского скелета была обнаружена пара бронзовых браслетов, на пальцах правой руки были обнаружены три кольца из бронзы, железа и серебра, на пальце левой руки бронзовое кольцо со стеклянной вставкой, на костях грудной клетки было много стеклянных бус.

Среди останков женщины найдены были железные ножницы, пять бронзовых колокольчиков и какой-то листовидный костяной предмет.

Возле мужского скелета, как правило, находилось оружие, железный длинный меч, серп и кинжал. Крестовина кинжала бронзовая, рукоятка покрыта золотой фольгой.

Причем оружие в погребениях помещалось не только в мужских, но и в женских погребениях, датируемые С. Казиевым II–III вв. н.э. и названное «могилой амазонки» [10, с. 95–96]. При этом указывается, что здесь возле женского костяка лежали железный нож, кинжал и меч, а под ногами женского костяка находились три черепа.

Сруб был ориентирован на юго-запад и северо-восток, на крышке его лежал железный нож длиной 0,20 см. Сруб занимал восточную часть могильной ямы, в западной части находился могильный инвентарь, состоящий из керамических сосудов и костей животных.

Два сосуда с одной ручкой каждая со сливом у венчика и с наклепным кантом, один сосуд с шаровидным корпусом с двумя ручками на тулове и сосуд с крышкой, специально изготовленным выступом на внутренней стороне горловины для опоры краев крышки.

В сосуде был обнаружен обломок деревянной ложки, возле которого находился хозяйственный кувшин средней величины.

В 1953 году на левом берегу реки Куры в Мингечауре на территории могильного поля поселения №3 [1, с. 138–149] было обнаружено богатое срубное погребение на глубине 4,5 м от дневной поверхности. В могильной яме вне сруба 0,30 см выше от дна погребения находилась серебряная ложка, бронзовое зеркало, фигурка петушка, отлитая из бронзы, различные бусы и бронзовые колокольчики, украшения в виде ежевики, отлитые из бронзы и ракушки.

В северо-восточной части указанного могильного поля также было обнаружено срубное погребение длиной 1,4 м и шириной 0,70 см. В западном углу могильной ямы были расположены пять глиняных сосудов, на одной линии с ними у стены лежал на боку шестой сосуд, а возле продольных стенок могильной ямы находились три плоских камня [1, с. 138].

В срубе было обнаружено два скелета: один на левом боку в скорченном виде, направленный головой на юго-восток, второй в западной части сруба, в сидячем положении [2, с. 65–66].

На месте вскрытия этого погребения позже возникло поселение. В связи с его постройками данного поселения земляные работы разрушили покрытие погребения, из которого было изъято часть ценных предметов.

Это мнение подтверждается еще тем, что при рытье углубления для хозяйственного кувшина была разрушена часть северной стенки погребения.

Однако могила полностью не была ограблена, в ней у головы покойника, помещенного в скорченном положении, сохранилась серебряная миска.

В западном углу погребения стояли керамические сосуды, в которых находились кости животных, на одном из сосудов лежал сравнительно хорошо сохранившийся нож с костяной рукояткой, на которой была выгравирована фигура всадника, также были обнаружены 4 наконечника стрел: один плоский трехлопастной и 3 штуки трехгранной формы, и одно бронзовое зеркало.

В срубе также были выявлены три железных перстня-печати с сердоликовыми вставками: на одном выгравирована рыба с усиками, на другой олень, на третьей, вероятно, какая-то богиня.

В погребении оказались еще кольца из бронзы и золота со вставкой из полудрагоценного камня красного цвета, бронзовая щитковая фибула, с эмалью, фигура грифона с орлиной головой, отлитая из бронзы и покрытая золотой фольгой, две стерженьковые фибулы из железа, ножницы, пряжка из гишера, три пряслицы из мрамора, туфита и меловидного материала, два бараньих альчика, в одном из них имеется два сквозных отверстия, множество различных бус, в числе которых шестигранные сердоликовые, стеклянные, меловые, костяные, глиняные, перламутровые и др.

Срубные погребения древнего Самуниса-Мингечевира имели очень богатый инвентарь. Следует отметить, что не все обнаруженные погребения были обильно обеспечены артефактами. Например, на том же могильнике были обнаружены погребения со сравнительно бедным инвентарем.

В качестве примера можно привести срубные погребения, раскопанные Р. Ваидовым в 1947 г. Одно из них под №156 находилось на глубине 2,8 м от дневной поверхности, сруб был плохой сохранности, длина его составляла 1,5 м, высота – 0,45 см, а ширина – 0,70 см. Погребение содержало одиночное захоронение, костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, и головой был расположен на юго-запад.

В срубе среди костей, кроме железной пряжки и нескольких бус, ничего больше не было обнаружено. Вне сруба у ног покойника были помещены два кувшина, имевших по одной ручке с трех лепестковым венчиком [5, с. 95].

Следует отметить, что в 2006 году аналогично Мингечевирским срубным погребениям с керамическим материалом, с трех лепестковым венчиком со сливом с наклепной пуговкой, также был обнаружен археологом Г. Гошгарлы из срубного погребения, датируемого I–II вв. н.э. в местности Амирарх в Агдашском районе [7, с. 66].

Вышеприведенные примеры показывают, что по богатству могильного инвентаря отдельные срубные погребения резко отличаются от остальных видов могильных памятников этого периода. Следует отметить, что наряду с обильными предметами, также встречаются срубные погребения, снабженные с очень скудным инвентарем.

В состав археологического инвентаря из срубных погребений входят различные по форме и по назначению глиняные и стеклянные сосуды, серебряные миски, железные мечи, кинжалы, ножи, наконечники стрел,

украшения из золота, серебра, бронзы, железа и стекла, перстни–печати, парфянские и римские монеты I–III вв. н.э., бусы из стекла, камня и многое другое [5, с. 96].

Однако в настоящее время пока остается открытым вопрос о происхождении срубных погребений и их возникновении в древнем Самунисе–Мингчевире.

Ряд исследователей полагали, что в срубных погребениях погребали представителей как зажиточных, так и средних слоев албанского общества, при этом обильностью отличались совместные захоронения мужчины и женщины. В связи с этим здесь существовал обычай или обряд умерщвления раба или члена семьи вместе умершим.

По мнению С. Казиева, обычно такие групповые захоронения необходимо относить к знатым погребениям на основании наличия здесь обильного инвентаря [11, с. 75].

Богатство погребального инвентаря некоторых могил и различие в самом могильном сооружении на одном могильнике, на первый взгляд, дали повод исследователям считать их погребениями представителей привилегированных слоев Албанского общества, продолжающих традицию, сложившуюся в более ранние исторические периоды, выглядящая достаточно аргументированной.

По мнению И. Бабаева, который предполагает, что в срубных погребениях Мингчевира захоронены знатные албанские воины и, что, возможно, сопровождающие основного покойника костяки – это умерщвленные во время погребального обряда, взятые в плен воины противника, превращенные в рабов и предназначенные для сопровождения своего хозяина–победителя после смерти в потусторонний мир [3, с. 115].

Следует указать и тот факт, что обилие и скудность могильного инвентаря не всегда является общим показателем социального положения погребенного.

По мнению Г. Гошгарлы, отмечается, что количество, состав, расположение могильного инвентаря могут отражать канонизированные элементы обрядности, профессиональную или половозрастную принадлежность погребального, и необязательно являются показателями его социального положения.

Другое дело само погребальное сооружение, сложная конструкция, требующая по сравнению с другими захоронениями большого количества материала, усилий и времени, необходимого на его монументальное сооружение, что и является показателем социального статуса привилегированных слоев населения албанского общества [8, с. 74–75].

Срубные погребения, помещенные в катакомбах, т.е. комбинированные, также впервые были обнаружены Р. Ваидовым [6], в которых были выявлены аршакидские и римские монеты, относящиеся к I–III векам н.э. Однако эти монеты также использовались как украшения, поскольку в них были просверлены сквозные отверстия.

Учитывая время обращения этих монет, Г. Асланов [1, с. 145] и К. Тревер [13, с. 168] считали возможным датировать срубные типы погребения к II–III векам н.э., что позже они исчезли, слившись с катакомбными погребениями [2, с. 64–65].

С. Казиев на основании труппа положения и инвентаря, а также сравнивая с другими типами погребений, срубные погребения из Мингчевира датировал

историческому периоду, относящиеся к II–III векам н.э. [9, с. 42].

Монеты, выявленные из срубных погребений по определению Е. А. Пахомова, относятся ко времени от второй четверти I века до начала III века н.э. [12, с. 149].

В настоящее время в историко–археологической историографии Азербайджана, утверждаемые Р. Ваидовым, С. Казиевым, К. Тревер, Е. А. Пахомовым, Г. Аслановым, Дж. Халиловым, И. Бабаевым и Г. Гошгарлы срубные погребения, являющиеся общепринятыми и в научном плане являются достаточно обоснованными.

Нужно подчеркнуть, что погребения в деревянных срубах являются одними из мало распространенных типов погребений античного периода. Как уже выше было указано, впервые на всем Кавказе срубные погребения были выявлены археологом Р. Ваидовым на территории Азербайджана в 40–х годах XX века в местности Судагылан Мингчевирского района.

Таким образом, учитывая все эти факты можно прийти к предварительному заключению о происхождении срубных погребений, обнаруженных как в грунтовых ямах, так и в катакомбах, что наиболее ранние Мингчевирские захоронения в срубах появились в I в. н.э. и продолжали существовать до IV века н.э.

Следует отметить, что наряду с данным типом захоронений синхронных по времени и целым рядом других факторов, в Мингчевире одновременно существовали кувшинные и ранее катакомбные погребения.

Список использованных источников

1. Асланов Г. М. Из истории материальной культуры Кавказской Албании I–IV вв. н.э. // Вопросы истории Кавказской Албании. – Баку, 1962. – С.137–145.
2. Асланов Г. М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК, АН СССР. – 1953. – Вып.60. – С.64–66.
3. Бабаев И. А. Города Кавказской Албании в IV век до н.э. – III век н.э. – Баку, 1990.
4. Ваидов Р. М. Археологические работы в Мингечауре. – Баку, 1950.
5. Ваидов Р. М. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. // КСИИМК АН СССР. – 1952. – Вып. XLVI.
6. Ваидов Р. М. Дневник Мингечаурской археологической экспедиции, тетрадь (27 июнь – 16 декабрь 1947 г.) №1. Научный архив института археологии и этнографии НАНА.
7. Гошгарлы Г. О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. – Баку, 2012.
8. Гошгарлы Г. О. Срубное погребение в зоне нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. – Bakı, 2006. – №2.
9. Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре // Материальная культура Азербайджана. – Баку, 1949. – Т.1.
10. Казиев С. М. Новые археологические раскопки в Мингечауре в 1949 г. // Известия АН Азерб. ССР. – Баку, 1949. – №9.
11. Казиев С. М. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана // Известия АН Азерб. ССР. – Баку, 1950. – №7. – С.75.
12. Пахомов Е. А. Монеты Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. – Баку, 1951. – Т.2.
13. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). – Москва–Ленинград, 1959.
14. Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). – Баку, 1985.

References

1. Aslanov G. M. Iz istorii material'noj kul'tury Kavkazskoj Albanii I–IV vv. n.e. // Voprosy istorii Kavkazskoj Albanii. – Bakı, 1962. – S.137–145.

2. Aslanov G. M. K izucheniju rannesrednevekovyh pamjatnikov Mingechaura // KSIMK, AN SSSR. – 1953. – Vyp. 60. – S. 64–66.

3. Babaev I. A. Goroda Kavkazskoj Albanii v IV vek do n. je. – III vek n. je. – Baku, 1990.

4. Vaidov R. M. Arheologicheskie raboty v Mingechaure. – Baku, 1950.

5. Vaidov R. M. Arheologicheskie raboty v Mingechaure v 1950 g. // KSIMK AN SSSR. – 1952. – Vyp. XLVI.

6. Vaidov R. M. Dnevnik Mingechaurskoj arheologicheskoj jekspedicii, tetrad' (27 ijun' – 16 dekabr' 1947 g.) №1. Nauchnyj arhiv instituta arheologii i jetnografii NANA.

7. Goshgarly G. O. Tipologija pogrebal'nyh pamjatnikov antichnogo perioda na territorii Azerbajdzhana. – Baku, 2012.

8. Goshgarly G. O. Srubnoe pogrebenie v zone nefteprovoda Baku–Tbilisi–Dzhejhan // Azərbaycan arxeologiyası və etnografiyası. – Bakı, 2006. – №2.

9. Kaziev S. M. Arheologicheskie raskopki v Mingechaure // Material'naja kul'tura Azerbajdzhana. – Baku, 1949. – T. 1.

10. Kaziev S. M. Novye arheologicheskie raskopki v Mingechaure v 1949 g. // Izvestija AN Azerb. SSR. – Baku, 1949. – №9.

11. Kaziev S. M. Arheologicheskie pamjatniki Mingechaura kak istoricheskij istochnik dlja izuchenija istorii Azerbajdzhana // Izvestija AN Azerb. SSR. – Baku, 1950. – №7. – S. 75.

12. Pahomov E. A. Monety Mingechaura // Material'naja kul'tura Azerbajdzhana. – Baku, 1951. – T. 2.

13. Trever K. V. Oчерки po istorii i kul'ture Kavkazskoj Albanii (IV v. do n. je. – VII v. n. je.). – Moskva–Leningrad, 1959.

14. Halilov Dzh. A. Material'naja kul'tura Kavkazskoj Albanii (IV v. do n. je. – III v. n. je.). – Baku, 1985.

Mamedov E. V., employee, National Museum of History of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku), emint728@gmail.com

Log houses of the ancient Samunis–Mingechevir

Frame burials of ancient Samunis–Mingechevira it is Possible to come to the preliminary conclusion at the origin of frame burials, discovered both in the ground pits and in catacombs, that the most early Mingechevirskie burial places in frames appeared in I v. A.D. and continued to exist to IV age A.D. It should be noted that along with this type of burial places synchronous at times and by a number of other factors, in Mingechevire simultaneously there was a jug and before catacomb burials.

Keywords: Samunis–Mingechevir; log burials; Sudagylan, Amirarh.

Мамедов Е. В., співробітник, Національний Музей Історії Азербайджану (Азербайджан, Баку), emint728@gmail.com

Зрубні поховання стародавнього Самуніса–Мінгечевіра

Можна прийти до попереднього висновку об походження зрубних поховань, виявлених як в ґрунтових ямах, так і в катакомбах, що найбільш ранні поховання Мінгечевірськє в зрубх з'явилися в I ст н.е. і продовжували існувати до IV століття н.е. Слід зазначити, що поряд з даним типом поховань синхронних за часом і цілим рядом інших чинників, в Мінгечевіре одночасно існували глеки і раніше катакомбні поховання.

Ключові слова: Самуніс–Мінгечевір, зрубні поховання, Судагилан, Амірарх.

* * *

УДК 94(477)

Михайленко М. Ю.,
аспірантка кафедри нової та новітньої історії
зарубіжних країн, Київський національний
університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ),
mmy175@ukr.net

ЗОВНІШНЯ ПОЛІТИКА ПЕРШИХ УРЯДІВ КОРОЛІВСТВА ІТАЛІЯ (1861–1876 РР.)

Здійснено аналіз зовнішньої політики «історично правих» урядів Королівства Італія від завершення першого етапу його об'єднання в єдину національну державу та переходу до влади «історично лівих» урядів до переходу влади до «історично лівих». Охарактеризовано зовнішньополітичні умови, за яких забезпечувалося виживання та зміцнення новоствореної держави. Визначено основні зовнішньополітичні пріоритети перших «історично правих» урядів та зроблено висновки щодо їхньої ефективності.

У результаті дослідження встановлено, що не зважаючи на подекуди непопулярність зовнішньополітичних підходів «історично правих» урядів всередині країни, в цілому їхня діяльність принесла свої позитивні результати. Королівство Італія отримало міжнародне визнання, країну було забезпечено від зовнішнього вторгнення, її кордони були розширені за рахунок області Венето, врегульовано питання Рима.

Ключові слова: Королівство Італія, зовнішня політика, «історично праві» уряди, об'єднання Італії.

Після першого етапу об'єднання – створення у 1861 р. Королівства Італія на чолі з Савойською династією – перед керівництвом країни постало завдання її реальної політичної, економічної та соціальної інтеграції. Новостворена держава уявляла собою мозаїчне полотно. Фактично об'єднана Італія поділялася на Північ і Південь, на різні регіони, на сільське та міське населення, на світську та церковну владу, на правлячу еліту та народні маси. За архівними статистичними даними, у 1861 році в Італії проживало 21 млн. 777 тис. громадян, із них близько 59,9% – працездатних (69,7% зайняті у сільському господарстві, 18,1% – у промисловості, 12,2% – у сфері послуг), рівень неграмотності дорівнював у цілому по країні 77%, тільки 2% громадян розмовляли італійською мовою, решта населення використовувала діалекти [1]. Італійці, які протягом століть відрізнялися сталою локальною самосвідомістю мали відчуті свою єдність, прийняти та підтримати нову державу. «Створення» італійської нації, утримання країни від сепаратизму та розпаду, подолання значної економічної відсталості – усе це було завданнями нового італійського керівництва у сфері внутрішньої політики. Їхньому вирішенню мала також слугувати і зовнішня політика, що була спрямована на забезпечення умов виживання королівства в досить непростою зовнішньому оточенні.

Хоча тема зовнішньої політики перших італійських урядів була предметом досліджень багатьох італійських науковців (Ф. Шабо, Ф. Каталуччіо, Л. Салватореллі, А. Берселлі, Дж. Поїдомані та інших), у вітчизняній історичній науці немає ґрунтовних праць, присвячених згаданій тематиці. Можна, проте, відзначити внесок у вивчення життя видатних постатей італійського «Рісорджименто», зокрема Дж. Гарібальді та Дж. Мадзіні, а також окремих аспектів українсько–італійських відносин кінця XVII – початку XX ст. доктора історичних наук, професора М. М. Варварцева.

Метою цього дослідження є всебічний аналіз зовнішньої політики перших «історично правих» урядів Королівства Італія, визначення її головних пріоритетів та ефективності реалізації.

Протягом 15 років після завершення першого етапу об'єднання при владі перебували дев'ять так званих «історично правих» урядів. Із цього «правила» було два винятки, коли на півроку в 1862 та 1867 рр. уряди формували представники «історично лівих». Але їхнє правління не мало суттєвого впливу на зовнішньополітичний курс Італії, який за конституцією – Альбертинським статутом 1848 р. – визначав король.

У загальному плані серед пріоритетів зовнішньої політики Італії перших років можна умовно виділити такі. По–перше, забезпечення дипломатичного визнання Королівства Італія. По–друге, створення сприятливих зовнішніх умов для внутрішньої консолідації новоствореної держави. З цією метою необхідно було в будь–який спосіб запобігти новій війні проти Італії